

События эпохи Монгольской империи в бурятских письменных памятниках XVIII – начала XX веков

Цыбикдоржиев Д.В.

Батоева Д.Б.

Бурятские письменные источники на классическом монгольском представляют собой довольно обширный комплекс памятников, включающий в себя летописи, исторические очерки, записи уложений обычного права, текущую административную документацию и переписку, тексты на религиозную тематику, мемуары, а также родословные. Внутри последних нередко встречаются краткие, но иной раз довольно содержательные справки исторического и биографического характера. Кроме того, известен ряд памятников, написанных бурятами на других языках, в отдельных случаях имеются переводы текстов на русский язык, но отсутствуют оригиналы. Изучение всего этого богатства идет уже довольно давно, но неравномерно. До настоящего времени в научном обороте фигурирует меньшинство существующих текстов, еще меньше привлекается для анализа разных аспектов истории, этнографии, религии, мифологии монгольских народов. Наконец, совсем редко бурятский письменный материал привлекается для исследований в области средневековой истории, хотя его сопоставление с уже известными памятниками могло бы дать определенные результаты (к чему и стремится представленная работа). Еще более впечатляющих успехов можно добиться, привлекая данные бурятского фольклора, особенно обрядовой поэзии, ведь, например, в призываниях предков и онгонов веками сохранялись сведения о миграциях и этнических контактах. Формат данной работы предусматривает лишь ограниченное использование записей подобного рода. Бурятские источники порой могут поставлять свежую информацию, способную придать новый импульс в изучении ряда проблем истории монгольского средневековья, причем именно тех проблем, дискуссия по которым периодически заходит в тупик из-за недостатка фактического материала.

Одним из подобных сложных вопросов средневековой истории является этническая принадлежность туматов, группировки, чье вооруженное выступление против наместников Чингисхана ознаменовало начало серьезных трений во взаимоотношениях монгольского имперского центра и населения северо-западной периферии. Историография дискуссии о туматах в трудах бурятских ученых приведена Б.Р. Зориктуевым [1997: 45-46], поэтому мы не будем вновь задерживаться на этом. Укажем только на тот факт, что в продолжительной полемике материалы бурятских письменных памятников и фольклора почти не привлекались, хотя вопрос об этнической принадлежности туматов был интересен, прежде всего, тем, что изначально господствовало мнение о них, как о предках крупнейшей бурятской этнической группы – хори или хоринцев. Другим важным аспектом туматской проблемы является выяснение причин или природы конфликта, вызвавшего длительное, отмеченное во всех основных средневековых памятниках противостояние.

В самом деле, восстание туматов, если отойти от довлеющих в прошлом эмоциональных оценок, выглядит все же достаточно ярким, хотя и не самым характерным эпизодом истории внутренней политики сложившейся имперской государственности монголов по отношению к населению северной периферии, а также и в целом – к тем родственным группам, которые оказались в составе империи к началу широкомасштабных внешних походов. Интересным этот конфликт оказывается и с точки зрения выявления особенностей менталитета, общественного устройства, уклада так называемых лесных

племен, вошедших в состав Монгольской империи. Напомним, что вслед за туматами восстали енисейские кыргызы, вновь активизировались остатки мэркитов, оттесненных на северо-запад, и, видимо, примерно тогда же произошел мятеж энгудского Уран Чэнкуя, который, “ушел, захватив с собой тридцать один отог и решив жить к северу от заката солнца” [Лубсан Данзан 1973: 186]. Направление бегства мятежных энгудов – северо-запад, как видим, совпадает с локализацией оппозиционного имперскому центру военной активности туматов, кыргызов и мэркитов. Впрочем, энгудское выступление могло не иметь прямого отношения к волнениям на северо-западе. Определенно можно говорить о том, что регион, располагавшийся между Ангарой на востоке и истоками Иртыша на западе, со времен туматского восстания на протяжении всей истории Монгольской империи и даже, быть может, в начале усиления ойратов являлся особой “геополитической” зоной, которая, обладая богатой сырьевой базой, служила опорой тем силам, что осмеливались бросать вызов имперскому центру.

В бурятских письменных и фольклорных источниках нам не встречались примеры употребления термина тумат (кроме одного сомнительного случая), но очень часто в хоринских памятниках упоминается термин тумэт. В летописи Тугулдэра Тобына прародитель хоринцев Хоридай назван сыном дайчин-нойона “монгольских двух тумэтов” Баргу-батурса [Бурятские летописи: 5]. В хронике Аюши Саагиева Баргу-батур выступает дайчин-нойоном тумэтского народа, а Хоридай титулован “хори-тумэтским мэргэном” [Бурядадай туухэ бэшэгууд 1998: 5, 8], так же Хоридай назван в очерке Агвана Доржиева [Бурядадай туухэ бэшэгууд 1998: 37] и в анонимном “Ацагатском очерке о хори-бурятах” [Qori buriyad-un tuqai асагад-ту бицгидегсен тобчи теүке: 2]. Аналогичная ситуация наблюдается в фольклоре хоринцев, тенденция увязывать свое происхождение с тумэтами или отождествлять тумэтов с хоринцами видна и в устных исторических преданиях [Бурядадай туухэ бэшэгууд 1998: 90]. В ряде памятников чувствуется стремление хоринских летописцев конкретизировать ранние этапы истории хори, что проявилось в попытке привязать термин тумэт к имени исторического южномонгольского тумэтского Алтан-хана (1506-1582). Так поступил Доржо Дарбаев в своем “Докладе о происхождении 11-ти хоринских родов”, назвав легендарного Баргу-дайчина главным сановником монгольского Алтан-хана [Бурятские летописи: 170]. На эту попытку последовала резкая критика Жамсо Бошоктуева в рецензии, написанной еще в 1865 году [Цыдендамбаев 1972: 177]. Бошоктуев высмеял Дарбаева за искусственное притяжение древней истории хоринцев к биографии Алтан-хана. Бошоктуев вообще находил все заимствованное хоринскими летописцами из монгольских сочинений весьма сомнительным, но склонен был доверять устным преданиям. Между прочим, сам факт полемики между Дарбаевым и Саагиевым с одной стороны и Жамсо Бошоктуевым с другой свидетельствует о довольно строгом отношении бурят к содержанию исторических трудов.

Б.Б. Барадин, Г.Д. Санжеев и Д.Д. Нимаев в своих работах с разными дополнениями и поправками видели в хори-туматах одну этническую группу – хоринцев, причем находили компонент тумат производным от *туман / тумэн* “войсковое подразделение” [Нимаев 2001: 247]. Получалось, что двойной термин возник как обозначение хоринского войска. Г.Н. Румянцев, описывая события средневековой истории, осторожно употреблял выражения “племя хори” и “племя тумат” [1962: 140], вероятно, следуя буквальному пониманию текста “Сборника летописей” Рашид Аддина, который писал почти век спустя после первого выступления туматов. Ц.Б. Цыдендамбаев пошел дальше и высказался в том смысле, что “хори-туматы представляли союз племен, состоящий из туматов-тюрок, занимавших ведущее положение в союзе, и хоринцев протомонгольского происхождения” [1972: 226]. По работе Цыдендамбаева можно в какой-то мере проследить путь умозаключений, приведших к его версии. Обнаружив в хоринской ономастике некоторое число этнонимов и эпонимов, которые он затруднился объяснить на базе монгольских

языков, исследователь обратился к тюркской, в основном к якутской ономастике, где обнаружил ряд сходств. Кроме того, Цыдендамбаев пришел к выводу о наличии в прошлом у хоринцев тотемизма, причем он обнаружил следы тотема лебедя и собаки. Наличие двух тотемов вновь заставило его обратиться к мысли о сильной тюркской струе в хоринском этногенезе. Лебедь в его представлении оказался тотемом тюрков, а собака – монголов [1972: 220, 225]. Отсюда уже было нетрудно прийти к теории о союзе двух племен.

Близкие взгляды отстаивает Б.Р. Зориктуев, дополняя Цыдендамбаева указаниями на новые термины хоринской ономастики, не находящие, по его мнению, объяснений в монгольских языках, но зато обнаруживающие параллели у якутов [1997: 47]. Б.Р. Зориктуев также уделил внимание проблеме тотемизма у бурят и якутов, а главное, он локализовал восстание туматов в пределах верховий Енисея [1997: 45], с чем на имеющихся в нашем распоряжении данных можно с некоторыми оговорками согласиться. Касательно тезисов о тотемизме, надо заметить, что этот вопрос остается одним из сложнейших в религиоведении, многие нюансы в нем не ясны, а в литературе о хоринцах до 1970-х годов и позднее практически не различаются тотемизм и зоолатрия, не учитывается специфика экзо- и эзотерической мифологии, особенно мифологии тайных союзов. Если же обратиться к данным хоринской и якутской ономастики, ситуация вновь оказывается отнюдь не такой простой, как выглядело ранее. Например, термин *боохой* (название хоринского хухура в отоке хоасай), затруднивший Цыдендамбаева [1972: 200] и Зориктуева [1997: 47], в монгольских языках является обозначением волка (вероятно, от *боо*- связывать, в переносном смысле – “охотиться”), предложенная же исследователями связь с якутским прозвищем *бѳкуи* остается под вопросом. Не менее проблематичной выглядит проблема установления связи между хори-туматами и легендарными туматами Якутии.

Как бы то ни было, ученые в основном сходятся во мнении о том, что туматы начала XIII века представляли собой крупное и сильное объединение. Разница в том, что одни считают их хоринцами, другие – племенем, находившимся в союзе с ними, а третьи полагают, что туматы в ту пору уже не имели отношения к хори. Б.Р. Зориктуев полагает, что союз хори и туматов распался задолго до восстания 1217 года, и он же отождествляет туматов и дубо китайских летописей (VII-VIII вв.), увязывая их с позднейшими (XIII в.) енисейскими племенами туба и тухас [1997: 46]. Хакасский ученый Л.Р. Кызласов пишет: “в так называемом Восьмиречье, близ истоков Каа-Хема, по водоразделу сибирских и центральноазиатских рек, расселились монголоязычные ойраты, вытеснившие оттуда “в пределы страны киргизов”, т.е. в Восточную Туву, часть обитавших там туматов (потомков древних тюркоязычных дубо)” [История Хакасии 1993: 117]. У нас нет данных о превосходстве ойратов перед туматами, последующие события показали, скорее, обратную картину, а именно – в военном отношении туматы были сильнее. Сомнение вызывает и отождествление туматов и дубо. Потомками последних с большим основанием можно признать упомянутое в “Тайной истории монголов” племя тубас [§ 239], но в таком случае затруднительно провести знак равенства между ними и туматами, поскольку в одном тексте они упомянуты вне всякой связи друг с другом, на что резонно обратил внимание Д.Д. Нимаев [2001: 248]. Противоречивая картина предстает в “Сборнике летописей”, где говорится: “племена кори, баргу, тумат и байаут, из коих некоторые суть монголы и обитают в местности Баргуджин-токум, также близки к этой области (т.е. к Кэм-Кэмджиуту – Д.Ц.)” [Рашид Ад-Дин 1952: 150], из чего следует, что туматы находились не прямо во владениях киргизов, но поблизости от их границ. В другом месте “Сборник летописей” указывает, что туматы “жили в пределах страны киргизов и были чрезвычайно воинственным племенем и войском” [Рашид Ад-Дин 1952: 122]. Обратим внимание на то, что цитированная фраза о воинственности и отождествлении туматов с

войском используется сторонниками теории о войсковом принципе образования хоритуматов в качестве одного из важнейших аргументов.

В 1206 году состоялся всемонгольский сейм, на котором Чингисхан был провозглашен правителем объединенной Монголии и тогда же он занялся награждением своих соратников. В число последних затесался вовремя переметнувшийся на сторону Чингисхана бааринский нойон Хорчи, который получил от хана в совместное с тысячниками Тахаем и Ашихом ведение “пополненных до тьмы” адаркинов, чиносцев, тоолесов и теленгутов и право “невозбранно кочевать” вплоть до приртышских лесных народов. Ему также удалось получить разрешение набрать себе тридцать жен среди красавиц лесных народов, о чем рассказывает “Тайная история” [§ 207]. Нетрудно заметить, что назначение Хорчи согласно этому тексту состоялось до похода Джучи к лесным народам северо-запада в 1207 г., а значит громкая фраза о начальствовании бааринского нойона над лесными народами фактически подразумевала его “ведение” только над перечисленными четырьмя племенами и бааринами. Прочие же северные народы, туматы в том числе, до похода Джучи еще не были включены в структуру империи. В “Сборнике летописей” о восстании 1217 года сказано “когда Чингис-хан был занят завоеванием Китая... по возвращении он услышал, что туматы вторично восстали” [Рашид Ад-Дин 1952: 122]. Б.Р. Зориктуев обращает внимание на фразу о вторичном восстании и понимает ее как косвенное указание на то, что в 1207 году, во время похода Джучи туматы уже оказывали сопротивление монголам [1997: 45]. В источниках прямо не говорится о столкновениях армии Джучи с туматами, но любопытная версия Зориктуева имеет под собой основание.

Туманную фразу “Сборника летописей” о том, что “предводитель туматов Тайтула–Сокар явился к Чингисхану, покорился и смирился” можно понять таким образом, что имели место какие-то неизвестные нам события вокруг вхождения туматов в состав империи. Туматы или хори–туматы не упоминаются “Тайной историей” в списке покорившихся Джучи лесных народов. Очевидно, их включение в единое государство монголов проходило по своему сценарию и, может статься, обставлялось рядом принятых на личных переговорах главы туматов и главы Монгольской империи условий, одно из которых и нарушил злосчастный Хорчи. По понятным причинам авторы, приближенные к монгольским правителям, не афишировали бы ни суть, ни сам факт подобных переговоров, если таковые имели место. На наш взгляд, первое выступление туматов все-таки могло состояться во время похода Джучи, но оно, скорее всего, не имело своим следствием боевые действия. Туматы просто могли отказаться от подчинения на общих с другими народами условиях, а Джучи не стал развязывать войну. Встреча главы туматов с Чингисханом как раз и могла выработать какие-то особые условия для них. Вооруженное выступление туматов состоялось 10 лет спустя, в 1217 году и было связано с самоуправством наместника Хорчи. Тот, судя по всему, либо превысил свои полномочия, отправившись набирать жен среди туматских красавиц, либо исполнял тайный приказ Чингисхана, который вряд ли мог спокойно взирать на своеобразную “автономию” туматов в период внешних походов монгольской армии. Обе версии имеют слабые и сильные стороны. Самоуправство Хорчи, судя по фактам его прошлой биографии (корыстные мотивы перехода к Чингису), не исключено, но мало вероятно в условиях строгой дисциплины в государстве Чингисхана.

К 1217 году Тайтула-Сокар (по “Тайной истории” – “хори–туматский нойон” Дайдухул Сохос) умер, туматами “ведала” его вдова Ботохой-тархун. Тот факт, что во главе сильной туматской группировки оказалась женщина, видимо, подтолкнул Хорчи или самого Чингисхана к мысли о наступлении подходящего момента для прекращения прежней вольницы. События однако приняли неожиданный для представителей имперской власти

оборот. Туматы восстали, Хорчи был схвачен ими. Ойраты во главе с Худуга-беки, отправленные на подавление восстания, были разбиты, Худуга также попал в плен. Огромная империя получила неприятную пощечину, потерпев поражение от группировки, возглавляемой женщиной. “Алтан тобчи” Лубсана Данзана в перечне 12-ти главных “чужих ханов” наряду с уйгурским идукутом, каганами карлуков и найманов, чжурчженским императором, упоминает “хори–туматскую Ботохуй Тархун” [Лубсан Данзан: 245]. Между прочим, здесь она названа правительницей не просто туматов, а именно хори–туматов. В бурятских источниках перипетии противостояния в лесах северо-запада излагаются довольно неожиданным образом.

В архиве Д.А. Клеменца нами обнаружен перевод неизвестного бурятского исторического очерка “О происхождении и добровольном присоединении к России хоринских бурят” (далее – список Клеменца). Там говорится:

“Чингисхан, начавший войну с баргутами после покорения Бухары и Туркестана боролся с ними очень долго. В этих войнах он потерял много войска и многих своих военачальников. В этой войне погиб любимый его полководец Баодал...” [Список Клеменца: 3].

В данном случае мы, вероятно, сталкиваемся с заимствованием из монгольских и китайских исторических сочинений, но дальнейшее изложение не имеет аналогов в известных памятниках:

“От засагола Каоцай, второго сына Хоритай-мергена... <неразборчиво> ...произошел засагол Байтала Сохор, современник Чингисхана. Сохор умер в молодых годах, оставив беременную жену, Бод Торган хатун. Она управляла хоринскими тумэтами и бурятами. По фамильным преданиям Хаоцайского рода она была назначена к сыну Чингисхана Джучи. В неволе она родила сына, которого назвала Унжин Цаган засагол” [там же].

Оставляя на будущее вопрос об авторстве очерка (в переводе Клеменца указано, что труд коллективный, в конце текста стоит фраза “следуют подписи”, но сами они в переводе опущены), обратим внимание на имена Байтал Сохор и Бод, отдаленно напоминающие известные из средневековых летописей Тайтула Сохар и Ботохой.

В архиве Ц.Б. Цыдендамбаева нами обнаружен перевод родословной таблицы известного царедворца Петра Александровича Бадмаева из хоринского отока хоасай, хухура баршухан. В этой генеалогии также фигурируют имена Байтал и Бод, причем указывается, что Байтал был в седьмом поколении потомком Хоасая, что он был женат на Бод-таргун, а эта последняя “во втором супружестве <была замужем> за Чжучи, сыном Чингиса” [Родословная Бадмаева: 1]. Далее указан сын Байтала и Бод по имени Унжин Цаган, обладатель титула засагол, т.е. есаул. Хотя у нас нет других данных о том, что хори–туматская Ботохой была вторично замужем за Джучи (в источниках говорится о том, что она была отдана ее бывшему пленнику - ойратскому правителю Худуге), не приходится сомневаться в том, что список Клеменца и родословная Бадмаева под именем Бод подразумевают именно ее, а под именем Байтал – того же туматского лидера Тайтулу. Здесь возникает существенный вопрос, от решения которого зависит признание приведенных сведений в качестве оригинального источника, вопрос о том, являются ли термины Бод и Байтал простым искажением или развитием средневековых Ботохой и Тайтула?

С филологической точки зрения весьма трудно, почти невозможно представить, чтобы имя Байтал было простым искажением или развитием средневекового Тайтула (или, тем более, Дайдухул, как употреблено оно в “Тайной истории”). В тексте “Сборника летописей” изредка встречается замена начального б- на т-, например баргут > таргут, но нам неизвестны случаи, когда в монгольских языках происходит обратный процесс, поэтому проще допустить, что бурятский вариант Байтал является более правильным. Имя Байтал, кстати, имеет надежные этимологические параллели в монгольских и тюркских языках, чего не сказать о варианте Тайтула. Точно также очень тяжело смотрится допущение развития Бод из средневекового Ботохой. Скорее, дело можно представить наоборот, Ботохой могло оказаться вариантом от Бод. Чтобы решить вопрос о случайности или закономерности бытования варианта Бод у бурят, обратимся к фольклору.

В Мухор-Шибирском районе, в 1964 году И.Е. Тугутов записал от сказительницы Соли Цыремпиловой следующее предание:

“В старину бурятской землей управляла Бодхоохон-хатан по прозвищу Толстая-Тарган. Она жила в Тугнуйской долине. При ней буряты поссорились с Чингисханом. Один из подданных Бодхоохон-хатан убил при стычке лучшего богатыря Чингисхана. В это же время монгол Милхэрэг отбил у него жену и убежал с ней в Тугнуй под власть Бодхоохон. Тогда Чингисхан рассердился на Милхэрэка и пошел войной на землю бурят. Он настиг Милхэрэка на правом берегу Хилка, там, где кончается долина Тугнуя. Говорят, что подданные Бодхоохон похоронили кости Милхэрэка на берегу Хилка” [Небесная дева: 166-167].

В предании опять же можно вычленить общие или заимствованные из монгольских летописей элементы, но надо отметить и сюжеты, которые не имеют никаких аналогий с известными памятниками. Так в “Тайной истории монголов” ничего не говорится о гибели некоего Милхэрэка в районе Хилка, но общая канва сюжета напоминает перипетии драмы с похищением Бортэ, первой супруги Чингисхана мэркитами. Следует также подчеркнуть высокую вероятность того, что предание тугнуйской сказительницы, как это часто бывает в фольклоре, просто перенесло место действия сюжета в привычный сказителю регион - в Тугнуйскую долину. Самое же для нас интересное в предании – это имя Бодхоохон, которое вряд ли может являться формой имени Ботохой, а значит восходит не к монгольским летописям, а к другому источнику, обнаруживая при этом близость к форме Бод из хоринских памятников. Компонент *хоохон* в имени из предания мог появиться следующим образом. В монгольских летописях к именам знатных женщин нередко добавляется слово *гоо* “красавица”, например, супруга прародителя хоринцев обычно известна под именем Баргуджин-гоо, но в анонимной летописи “*Qori mongyol buriyad ulus-un qurıyanguıı teıke otosıbai*” она же значится как Баргуджин-гоохон, т.е. вместо *гоо* употреблено *гоохон* с уменьшительно-ласкательным суффиксом [Бадмаева 2001: 57]. В источнике, к которому восходит тугнуйское предание, к имени бурятской предводительницы, видимо, также был присоединен компонент *гоохон*, позднее слившийся с именем. Так возникло имя Бод-гоохон, а в устной форме – Бодхоохон. Основное же имя остается Бод, как и в родословной Бадмаева, и в списке Клеменца. Таким образом, мы имеем третий независимый текст, где встречается имя Бод, что уже невозможно счесть случайностью, тем более невозможно усмотреть здесь какое-то простое заимствование из монгольских летописей. Мы можем также указать на наличие термина *бод* в преданиях боханских бурят, которые называют так народ, оставивший в Западной Бурятии памятники курумчинской культуры. В свою очередь, эти факты

свидетельствуют о существовании особого, собственно бурятского, не заимствованного пласта информации. В списке Клеменца встречаются указания на этот собственный пласт:

“фамильные предания, известные всему бурятскому племени и чахарам, родословные... <неразборчиво> ...летописцами хоринских бурятских родов Чахара” [Список Клеменца: 4 г].

Надо заметить, что появление в хоринских летописях ссылок на чахарские источники не случайно и, по всей вероятности, обусловлено тесными взаимобрачными и военно-политическими связями с этническими группами Чахарского ханства в XVI – начале XVII веков, в тот период, когда хоринцы обитали на рубеже восточной Монголии и Маньчжурии. В Ордосе до сих пор проживают потомки хоринских отоков шарайт и хангин, и они же компактно населяют, помимо районов Республики Бурятия, Аларский и Нукутский р-ны Усть-Ордынского округа. Именно западная ветвь этих отоков из-за удаления от центров распространения буддизма сохранила архаические обычаи, сближающие ее с чахарами. Так, аларцы и ордосские чахары Новый год отмечали 25 декабря, имелись общие шаманские культы, сходства в мифологии; в призываниях предков аларо-нукутских хоринцев упоминаются народности Восточной и Южной Монголии, а также – Маньчжурии.

К материалу хоасайской родословной и списку Клеменца, который также отражает интересы в первую очередь хоасайского отока, необходимо добавить такое наблюдение. Имя Байтал, к которому возводят свою родословную хоасайские аристократы, фигурирует не только в их генеалогиях. Гораздо чаще оно встречается в родословиях другого хоринского отока – кубдут. Причем у кубдутов поколения, лежащие между Байталом и современными бурятами указаны поименно, что внушает почтение своей сравнительной полнотой. Кубдутский Байтал (или Байтай) является основателем одноименного хухура, тогда как хоасаи, выводящие свое происхождение от хори–туматского лидера, причислены к хухуру баршухан и не указывают поименно поколения от Байтала. И у тех, и у других время жизни Байтала, если считать строго по количеству поколений, не будет совпадать со временем туматского восстания, но данный факт, наверное, просто следствие актуальности знания только того количества поколений, которое нужно при экзогамии. Известны родословия хоринского отока гучид, где обнаруживается сходная картина указания семи поколений предков тех хоринцев, которые около 1594 года возвращались в Бурятию из Маньчжурии (этот великий исход служил как бы вехой этнической истории, большинство хухуров было образованы именно тогда). При экзогамии актуальным было знать семь поколений, поскольку родство внутри такой линии подразумевало запрет на браки. При этом в памяти сохранялись имена основателей отоков, иногда – хухуров, но последующие имена с течением времени и с разрастанием родов выпадали, будучи вытесняемы новыми именами.

В приведенных текстах хоринцев говорится о гибели в бою с ними “лучшего богатыря” Чингисхана или его “любимого полководца”. Безусловно, тут мы имеем дело с отражением исторического факта гибели полководца Борагула в бою с туматами и, заметим, этому предшествовала не вполне понятная интрига среди командования монгольской армии. Чингисхан, получив известие о провале ойратского похода, приказал отправиться на хори–туматов нойону по имени Ная, но тот отказался, сославшись на болезнь. Тогда выбор пал на Борагула, усыновленного матерью Чингиса во время разгрома группировки джургэнов. Борагул, получив приказ, отозвался словами “Я иду пролить кровь взамен другого!”. Создается впечатление, что война с туматами не пользовалась популярностью среди командного состава монгольской армии и это вряд ли могло быть вызвано робостью полководцев. Тем не менее, машина империи, встав на

рельсы, свойственные всем империям, продолжала катиться на туматов. Чингисхан обронил фразу “Да не будет горя и не годится, чтобы умер Борагул” [Рашид Аддин: 171]. Воины Борагула “дали большие сражения”, но в одной из умело организованных туматами засад монгольский полководец был убит. Чингисхан, получив известие о поражении, пришел в ярость и собрался лично возглавить экспедицию на туматов, но, – “Тайная история” свидетельствует, – “насилу его отговорили” сановники Боорчу и Мухали [§ 240]. Очередной поход возглавил Дорбай-догшин из племени дорбэт, которого напутствовал сам хаган словами “В строгости держи войско и попробуй, молясь Вечному Небу, покорить туматский иргэн”. Дорбай разделил войско на две половины, одна из которых пошла по той самой тропе, на которой стояли туматские караулы, и, очевидно, поделила судьбу Борагула. Другая же часть войска Дорбая двинулась по труднопроходимым местам, где даже “лучшие из ратников стали колебаться” и для “понукания” их командирам велено было применять розги. Прорубив просеки в дебрях и “поднявшись на гору”, воины Дорбая внезапно обрушились на праздновавших туматов и, – заключает “Тайная история”, – “полонили их” [§ 240]. Однако, как пишет В.Я. Бутанаев, – “силы туматов еще не были сломлены”, и уже в следующем, 1218 году туматы восстали вновь [Бутанаев 2000: 148]. Такое развитие событий говорит о том, что экспедиция Дорбая в общем-то не достигла поставленных целей, разбита была только часть хори–туматских войск¹.

Армия Дорбая, согласно “Тайной истории” сумела освободить Хорчи и Худугу, а также взять в плен предводительницу туматов Ботохой и свыше сотни туматских семейств. Между тем, что-то, еще неизвестное нам, случилось в то время. По каким-то причинам уже в следующем году восстание разгорелось с новой силой, к туматам примкнули многочисленные кыргызы, от которых Чингисхан потребовал войска для нового похода на туматов. Кыргызы до того достаточно лояльные, на сей раз “войско не дали и восстали”. В поход был отправлен зять Чингисхана Буха-нойон, а уже зимой на помощь к нему вынужден был подойти Джучи с главными силами. Полагают, что армия Джучи в течении месяца с боями прошла по Туве, Минусе, Алтаю [Бутанаев 2000: 148].

В.Я. Бутанаев пишет, что “родовой состав кыргызов резко изменился в монгольскую эпоху и отражает проникновение значительного количества монгольских элементов”. Примером процесса проникновения хакасский ученый считает “роды керейт, урдут (меркит) и тумат”, которые по его мнению, появились на Енисее только в XIII в. после разгрома Чингисханом своих монголоязычных вражеских племен” [Бутанаев 2000: 162]. Как известно, сеоки тумат появились среди хакасов и телеутов, наряду с сеоками меркит, найман, чорос. После подавления восстаний хоринцы вливались в состав многих народностей Саяно-Алтая и Енисея. Плененная туматская Бод-тархун была отдана в жены ее бывшему пленнику, ойратскому вождю Худуге, и С.А. Козин считал, что тот “в лице “подаренной” ему царицы хори-туматской получил в свое ведение и царство Хори-туматское” [цит. по Цыдендамбаев 1972: 227]. В составе ойратов появились хоринские роды галзут, шарайт, гучит, происхождение рода чорос также, видимо, связано с процессом ассимиляции хори-туматов. Несколько выходя за формат этой статьи, отметим, что в Западной Монголии, в Саяно-Алтае и на Енисее обнаруживаются не только совпадающие с хоринскими этнонимы, но и глубокие сходства в мифологии, религии, этнографии. Часть территория кыргызов – Хакасия в монгольское время получает название Хоорай или Хонгорай (варианты – хоори, хооро, хоорый) [Бутанаев: 40, 153].

В обрядовой поэзии хори-бурят хакасские и алтайские мотивы сохранялись до недавнего времени. Ленские хоринцы в призываниях предков вспоминали о том, как им с боями приходилось прорываться с Алтая [Балдаев 1970: 293]. В Куде в гимнах сайтинским

богам, культ которых был связан происхождением с миграциями хоринцев [см. Цыбикдоржиев 2003: 180], в записи М.Н. Хангалова начала XX века, говорилось:

“Семьдесят девиц Сэн... на местности Хонгоро (Хонгорай, т.е. Хакасия – Д.Ц.) кочевание держали” [Хангалов 1958: 434].

Упомянутые “*далан сэн басагад*” – это персонажи хоринской мифологии, *сэн* – лебедь, тотемный предок хори. В тексте гимна М.Н. Хангалов в скобках отметил, что под местностью Хонгоро подразумевается область Канска. Термин *хонгор* в значении “громогласный”, “громкий”, возможно, лежит в основе алтайских, хакасских, бурятских идеоматических выражений, а, – по версии В.Я. Бутанаева, – в значении “обширная местность” термин стал основой этнополитонима Хонгорай [2000: 40, 153]. Б.З. Нанзатов писал, что термин *хонгор* в значении “кауряя масть” лежит в основе этнонимов хонгодор в Бурятии, хонгормуд у калмыков и хонгор хухэн (монг. *хухэн* “девушка”) в р-не Хубсугула [2003: 44-45]. Хонгодоры и хоринцы имеют общую этногоническую мифологию, где предками выступают Хоридай и лебедь. При учете этногонии хори и хонгодоров, представляется, что последние происходят от той части хори–туматов, которая после подавления восстаний не была ассимилирована тюрками и ойратами, но сохранилась как отдельная этническая группа вплоть до времени образования княжества хотогойтских Алтан-ханов, с территории которых они вновь вернулись в Бурятию в 1640-х годах (в песнях хонгодоры иногда употребляют термин хотогойт как синоним самоназвания).

Поднимая вопрос о дальнейшей судьбе хори–туматов, нельзя обойти вниманием проблему связи между ними и южомонгольскими тумэтами. В свете версии о миграциях хори–туматов в бурные годы XIII века по Саяно-Алтаю весьма красноречиво смотрятся строки древнего гимна, исполнявшегося при обряде тугэл и переведенного Ц. Жамцарано из специального обрядника “Алтан дэбтэр”, что хранился в Ордосе в общемонгольском центре культа Чингисхана – Эджен-хоро:

“Туметы стерегли 12 горных проходов за Алтаем, словно крепкая гаруда или столб для привязи коней. Они являлись арьергардом проходящей армии и служили мишенью для наступающих врагов; они были сторожевыми башнями на вершинах гор, маяками на морях...” [Жамцарано: 225].

Несомненно, вариант того же гимна мы видим в халха-монгольской летописи “Шара туджи”, но здесь текст гимна несколько искажен, вероятно, в процессе многократных переписок. Тем не менее, сходство с “Алтан дэбтэр” налицо хотя бы в том, что среди эпитетов, помимо знакомого кола для лошадей (мифо-поэтическое название Полярной звезды) вновь говорится об охране узких горных проходов в Алтае. Интересным в этом варианте является тот факт, что количество горных проходов в Алтае – 12 здесь сопряжено с количеством охранявших их тумэнов, каковых тоже указано 12. В то же время чувствуется, что переписчики считали этноним тумэт производным от тумэн, в тексте так и говорится – 12 тумэнов, а не тумэтов:

“...Altai-yin arban qoyar sьbe saqiysan, ayula-yin obuу-a, tala-yin küsiy-e boluysan, arban qoyar tümen. – Защищавшие двенадцать проходов Алтая, ставшие обонами на горах и памятниками на равнинах двенадцать тумэнов” [Шара туджи: 98].

В сравнении с “Алтан дэбтэр” видно, что в халхаской летописи вместо *dalai* “море” стоит *tala* “равнина”, а вместо “маяков” – “памятники” (впрочем, такое же написание *küsiy-e* имеет другое слово со значением “упрямый”). С учетом эпитета Полярной звезды, т.е. – отсылки к северной географии, и упоминания Алтая версия о северном, хори–туматском

происхождении тумэтов, точнее какой-то их части, предстает в новых красках. С теми же тумэтами мог быть связан происхождением устойчивый мотив бурятских исторических преданий, вводящий область Хүхэ-нуур (кит. Цинхай) или страну “по соседству с Тибетом, Китаем, Уйгурией...” в круг местностей, по которым кочевали хоринцы в XIII-XV вв. [Небесная дева: 218; Агинские легенды: 5]. Хүхэ-нур входил в сферу влияния тумэтских ханов. В списке Клеменца говорится: “только немногие спаслись (от расправы Чингисхана – Д.Ц.) в своих кочевьях или бежали на Ольхон, другие были переселены в окрестности Куку-нора” [Список Клеменца: 3].

В “Алтан дэбтэр” одним из любопытных мотивов, вне зависимости от решения вопроса о связи южных тумэтов с хори-туматами, остается фраза “они были маяками на морях”. В монгольских летописях упоминания о морях чрезвычайно редки, о морских плаваниях и вовсе нет сведений, но в старейшей бурятской хронике описан целый морской поход. “Повесть княгини Бальжин”, составленная хоринцами после 1728 года (а, быть может, дошедшие до нас списки базировались на еще более раннем варианте, поскольку ссылавшийся в 1843 г. на “Повесть” А. Саагиев говорил о ней, как о написанной после выхода хоринцев из-под ведения Дай-хун-тайджи, что произошло в 1613 г.), повествует о том, как в прошлые времена им пришлось отправиться на восток. Хоринцы шли девять месяцев и вышли к берегу великого океана, откуда в числе восьми тысяч войска отправились в морской поход на завоевание некой “далекой страны”. Погрузившись на корабли и отплыв, это войско попало в катастрофу, подвергшись нападению великанов, высунувшихся из воды и забросавших флот гигантскими камнями. Флот в ужасе повернул назад, но столкнулся с новой проблемой. “Повесть” гласит, что вода в море стала густой от несметного количества всплывших отвратительных червей, пить и даже зачерпнуть ее было невозможно. Солдаты мучились в плавании, некоторые погибли. На родину вернулась только половина из восьми тысяч воинов, вышедших в поход [Бурядайд түүхэ бэшэгүүд 1992: 222]. Весь этот сюжет изобилует красочными подробностями, которые в мифологизированной и, пожалуй, наивной форме передают в общем-то вполне естественные удивление и страх степняков перед морской стихией. Непригодная для питья океанская вода, тайфун, подводные скалы, планктон, всплывающие водоросли и морские животные отразились в виде то “великанов” с камнями, то “червей”. “Повесть”, судя по всему, описывает реальный, трагически окончившийся морской поход, а поскольку речь идет о плавании на восток, то мы можем предположить, что подразумевается неудачная попытка внука Чингисхана Хубилая завоевать Японию, попытка, потерпевшая крах в результате тайфуна, разметавшего монгольский флот. В свою очередь, предположение означает, что, помимо оставшихся на северо-западе и уведенных на Хүхэ-нуур, была еще одна группа хори-туматов, причем именно та группа, которая и стала ядром нынешних бурят – хоринцев. Эта группа уже к 1270-м годам находилась на Дальнем Востоке и, судя по “Повести”, была использована монгольскими правителями для похода на Японию.

В “Алтан тобчи” есть загадочный сюжет:

“Бурийатский Оро Шигуши поднес августейшему... владыке сокола, пойманного около великого Байкала. Бурийаты были отданы во владение Оро Шигуши. После этого, когда [владыка] запускал своего сокола от реки Олхуй до реки Ула, он увидел чжурчжитского чжанчжун-хагана и позвал его, но тот отступил и не пришел. Владыка вернулся обратно и отправил воинов. На реке Ула не было брода. Поэтому племянник Хасара Хаду Шири и Халчиху-чинг-тайджи, связав кругом десять тысяч мерин, с криками переправились [через реку]” [Лубсан Данзан: 200].

Здесь, по всей вероятности, содержится иносказание: фразы “запустил сокола” и “отправил воинов” вряд ли случайно применены к мотиву похода на р. Ула во владения чжурчженей. Думается, что обе фразы скрывают факт отправки в Маньчжурию воинов из числа лесных народов, которые образно названы “байкальским соколом”. Там же, в Маньчжурии хаганами Хубилаем и Тэмуром были поселены представители других народностей северо-запада – кыргызов, урсутов, хасха [История Хакасии: 128]. Между прочим, река Ула, местонахождение которой затруднились установить интерпретаторы летописи, – это Сунгари, называвшаяся в верхнем течении до поворота на восток Ула. За истоками Ула находились границы Кореи и берега Тихого океана. В Маньчжурии и Корее в иноэтнокультурном окружении поселилась самая многочисленная часть хори–туматов. Несколько веков спустя официальные хроники маньчжурских императоров отметят существование в XVI в. могущественного Хулуньского объединения феодальных владений Маньчжурии, в котором главенствующую роль играло княжество Ехэ. Как отмечено в “Нурхаци шилу”, – “родоначальником ехэ был монгол аймака тумот...” [Мелихов: 41]. Тумот - это, наверняка, туматы или тумэты. Заманчиво было бы предположить, что в период походов тумэтского Алтан-хана (1506-1582) маньчжурская и южномонгольская ветви хори–туматов могли встретиться, часть южных тумэтов могла воссоединиться с хулуньскими хоринцами и оставить сильный “хухэ–нурский” след в преданиях.

В поздних монгольских летописях монголы Хулуньского союза фигурируют под именем солонгосов или солонгутов. В “Алтан тобчи” солонгоской названа жена Чингисхана Хулан, о которой из ранних источников достоверно известно, что она была мэркиткой из племени хоас [Лубсан Данзан: 201; Тайная история: § 197]. Г.Н. Румянцев предполагал, что хоас-мэркиты были “адаптированы” хори-туматами в XIII веке и ныне являются отогом хоасай в составе хоринцев [1962: 241]. Не исключено, что именно вследствие этого в монгольских летописях появляется путаница о племенной принадлежности Хулан–хатун. Хоас–мэркиты и хори–туматы, совместно поселившиеся в Маньчжурии стали восприниматься соседями под именем солонгос. Мотив же вторичного замужества Бод–хатун за сыном Чингисхана мог быть следствием наложения образов. Этот мотив фигурирует у представителей хоринского “мэркитского” отога хоасай, а именно мэркиты известны как этническая группа, из которой монгольские правители часто брали жен. Помимо Хулан, вышедшей за Чингисхана, мы знаем, что на мэркитке был женат его сын Угэдэй (кстати, четвертой женой Угэдэя была кыргызка Джачин) [История Хакасии: 124]. Хоасайский отог, будучи единицей смешанного хоринско-мэркитского происхождения, видимо, смешивал в своих преданиях и сюжеты. Заимствовав от коренных хоринцев сюжет о Бод–хатун, хоасаи наложили его на собственные предания о мэркитке, супруге монгольского хагана. Потому-то, возможно, возникло противоречие в генеалогиях: хоасаи претендовали на происхождение от Бод–хатун и Байтал–сохора, но в реальности от них происходили хоринские кубдуты. В целом, завершая наш краткий обзор средневековых мотивов в бурятских письменных памятниках, надо подчеркнуть, что обилие кажущихся неразрешимыми противоречий на деле может и должно быть подвергнуто всестороннему анализу. Кропотливое изучение, сопоставление с другими источниками вполне способно давать неплохие результаты.

-

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Характер военной организации хоринцев и объяснение двойного термина хори–тумат содержится в другой нашей работе [Цыбикдоржиев 2004], поэтому здесь мы не будем вновь останавливаться на этом. Отметим только, что, по нашему мнению, туматы представляли собой военизированный мужской союз тех же хоринцев, члены которого отождествляли свой коллектив с псовой сворой. Изначально туматы не были отдельной этнической группой, в группировке тумат находились юноши-хоринцы. После завершения череды инициаций и приобретения средств на калым (обычно это были трофеи войн и набегов) молодые воины возвращались в состав своих родов. Но в дальнейшем часть из них обособилась и образовала отдельные этнические группы.

ЛИТЕРАТУРА:

Агинские легенды. 2004. *Угай зам. Путь предков*. № 11.

Бадмаева Л.Б. 2001. О летописании хори-бурят. *Народы Бурятии в составе России: от противостояния к согласию*. Ч. 1. Улан-Удэ: Мин. образования и науки РБ

Бурядадай түүхэ бэшэгүүд. 1992. Улан-Удэ: Бурядадай номой хэблэл.

Бурядадай түүхэ бэшэгууд. 1998. Улан-Удэ: ИМБиТ СО РАН

Бурятские летописи. 1995. Улан-Удэ: БИОН СО РАН.

Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С. 2000. *История енисейских кыргызов*. Абакан: ХГУ.

Жамцарано Ц. 1961. Культ Чингиса в Ордосе. Из путешествия в Южную Монголию в 1910 г. САЖ. Vol. 6, Nr. 3, November.

Зориктуев Б.Р. 1997. *Прибайкалье в середине VI – начале XVIII века*. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН.

История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. 1993. М.: ХНИИЯЛИ

Лубсан Данзан. 1973. *Алтан Тобчи*. М.: “Наука”.

Мелихов Г.В. 1974. *Маньчжуры на северо-востоке*. М.: “Наука”.

Нанзатов Б.З. 2003. К этногенезу бурят по материалам этнонимии. *Народы и культуры Сибири*. Иркутск: МИОН.

Небесная дева-лебедь. Бурятские сказки, предания и легенды. 1992. Новосибирск: Вост.-сиб. КИ.

Нимаев Д.Д. 2001. Послесловие. Цыдендамбаев Ц.Б. *Бурятские исторические хроники и родословные*. Улан-Удэ: Изд-во “Республиканская типография”

Рашид Ад-Дин. 1952. *Сборник летописей*. Т.1, кн.1. М-Л.

Родословная Петра Александровича Бадмаева (род хоасай) // Отдел языкознания ИМБиТ, фонд 485 (фонд Ц.Б. Цыдендамбаева).

Румянцев Г.Н. 1962. *Происхождение хоринских бурят*. Улан-Удэ: БКИ

Список Клеменца. “О происхождении и добровольном присоединении к России хоринских бурят”. Архив востоковедов ИВ РАН, Ф 28, оп. 1, № 9.

Хангалов М.Н. 1958. *Собрание сочинений*. Т.1. Улан-Удэ: БКИ.

Цыбикдоржиев Д.В. 2003. *Происхождение древнемонгольских воинских культов (по фольклорно-этнографическим материалам бурят)*. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН.

Цыбикдоржиев Д.В. 2004. Мужской союз, дружина и гвардия у монголов (преемственность и конфликты). *Монгольская империя и кочевой мир*. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН.

Цыдендамбаев Ц.Б. 1972. *Бурятские исторические хроники и родословные*. Улан-Удэ: БКИ.

Шара туджи. 1957. Монгольская летописи XVII века. М.-Л.: АН СССР.

Qori buriyad-un tuqai асауад-tu bičigdegsen tobči teūke (“Ацагатский очерк о хори-бурятах”) // ИМБит СО РАН, Фонд 485, оп.1, д. 13.

Цыбикдоржиев Доржи Владимирович

научный сотрудник Отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. В 1999 году окончил аспирантуру Российской академии государственной службы при Президенте РФ. Кандидат исторических наук. Тема диссертации "Буддизм и история бурятского национального движения". Москва, 1999.

Публикации:

Буддийские общины Бурятии: проблемы организационного устройства // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Информационно-аналитический бюллетень № 5. Изд. РАГС, М., 1998.

Историко-этнографические аспекты национальной борьбы монголов // Монголоведные исследования. Улан-Удэ, Изд. БНЦ СО РАН, 2000

Семантика и генезис бурятского военного культа Черных Всадников // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Мат-лы. междунар. науч. конф. Улан-Удэ, Изд. БНЦ СО РАН, 2000

Богини войны и судьбы в эпосе и культах монголов // Мир Центральной Азии. Т.1. Археология. Этнология: Матер. междунар. науч. конф. – Улан-Удэ: Изд. БНЦ СО РАН, 2002.

Происхождение древнемонгольских воинских культов (gǝ фольклорно-этнографическом материалах бурят). Улан-Удэ, 2003.

Этнополитическая ситуация в Бурят-Монголии в XVII-XVIII вв. // Народы Бурятии в составе России: от противостояния к согласию (300 лет Указу Петра I). Изд. «Республиканская типография», 2002

Воинский культ Ажарая-бухэ как отражение процессов этногенеза // Монголоведные исследования. Улан-Удэ, Изд. БНЦ СО РАН, 2003

Героический эпос и идеология воинских союзов в традиционном обществе монголов // Мат-лы науч. конф. «Санжеевские чтения-5» ИМБит СО РАН Мужской союз, дружина и гвардия (преемственность и конфликты) // Монгольская империя и кочевой мир. – Улан-Удэ 2004.

Воинская культура монголов в Европе // Россия-Азия: проблемы интерпретации текстов русской и восточной культур. Мат-лы междунар. науч. конф. – Улан-Удэ: Изд. БГУ, 2002

Батоева Дарима Баторовна

Кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела философии, культурологии и религиоведения Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. В 2000 году окончила аспирантуру Института монголоведения, буддологии и тибетологии, г. Улан-Удэ. Тема диссертации “Семантика родильной обрядности у бурят”.

Публикации:

Обряды в традиционной культуре бурят. М.: Вост. лит-ра, 2002. С. 11-109. (колл авт. Соавтор Скрынникова Т.Д.)

Сулдэ в обряде захоронения последа // Проблемы традиционной культуры народов Байкальского региона. Материалы международной научно-практической конференции. Улан-Удэ, 1999. С.85-86.

Обряд захоронения последа // Молодая археология и этнология Сибири. Материалы XXXIX РАЭСК, Чита, 1999, ч. II. С.102-105. Семантика объектов обряда испрашивания сулдэ ребенка // Гуманитарные исследования молодых ученых Бурятии. Вып.2. Улан-Удэ, 1999. Ч.1. С.33-37.

Гора в обряде испрашивания сулдэ ребенка // Традиции и инновации в этнической культуре бурят (сб.) - Сибирь: этносы и культуры. Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств. Вып.5. М.-Улан-Удэ. 1999. С.109-120.

Предметный код в обряде захоронения последа // Традиции и инновации в этнической культуре бурят (сб.) - Сибирь: этносы и культуры. Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств. Вып.5. М.-Улан-Удэ. 1999. С.147-150.

Почитание места захоронения последа у монголоязычных народов // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Мат-лы 40-й РАЭСК, Новосибирск, 2000, Т. II. С.70-71.

К вопросу о локализации загробного мира в мировоззрении монгольских народов // Народы и культуры Сибири. Взаимодействие как фактор формирования и развития. МИОН. Иркутск, 2004 г. С.11-28 (в соавторстве с Содномпиловой М.М.)

Локализация загробного мира в мифологических представлениях монгольских народов // ICANAS 37. М., 2004.

Вода как жизненное начало в традиционной культуре бурят // V конгресс этнографов и антропологов России. Москва, 2003. С.192.